

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Жаров А.М. Метафора как фактор эволюционной изменчивости научных теорий // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 7-25. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_7

УДК 165

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_7

Метафора как фактор эволюционной изменчивости научных теорий

Александр Михайлович Жаров

Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»
Институт философии РАН
г. Москва, Россия
E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

*Поступила в редакцию 19.02.2024, поступила после рецензирования 06.05.2024,
принята к публикации 29.05.2024*

Статья посвящена анализу философских проблем, связанных с изучением процесса вербализации нового знания. Особое внимание уделяется выявлению места и роли метафоры в языковом оформлении этого знания. Характеризуется своеобразие метафорической речи в различных сферах творчества (наука, поэзия, мифология). Анализ особенностей метафорического языка науки проводится преимущественно на материале истории развития физического знания. Автор стремится разработать собственную обобщающую концепцию метафоры на основе теории отечественного философа А.Л. Никифорова о структуре человеческого познания, состоящей из трех

© Жаров А.М., 2024

контекстов (материальный, культурный, личностный), с элементами которых ученый сопоставляет новое явление. В этой связи сущностью метафоры выступает игра сходств и различий личного опыта ученого и новых данных. Окончательно новое знание оформляется с закреплением за новым явлением интерпретирующей его метафоры. Сначала формулируется так называемая коренная метафора, выражающая главный аспект нового знания. Затем вокруг нее разрастается сеть уточняющих вспомогательных метафор, сцепляющихся в результате все большего соприкосновения разных аспектов личного опыта ученого с различными аспектами нового явления, оформляемого в новое знание. В данном случае метафора выступает, по мнению Ст. Тулмина, составным элементом концептуальной популяции. Содержание последней не получило достаточной разработки в учении британского философа, и автор статьи восполняет данный пробел. С его точки зрения, именно метафора является базовым элементом такой популяции, а значит, становится основной мерой эволюционной изменчивости научных теорий. К тому же, как полагает автор, метафорическое определение базового элемента концептуальной популяции Ст. Тулмина дает возможность разрешить конфликт между разными подходами в описании научного прогресса. Концентрация не на описании его природы, а на мере изменчивости научного знания позволит объединить конфликтующие стороны.

Ключевые слова: научное познание, новое знание, научная теория, научный прогресс, вербализация, метафора, эволюционная эпистемология, семантика

Благодарности: Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса».

Metaphor as a Factor of Evolutionary Variability of Scientific Theories

Alexander M. Zharov

Inter-regional Non-Governmental Organization
“Russian Society for History and Philosophy of Science”
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

Received 19.02.2024, revised 06.05.2024, accepted 29.05.2024

Abstract. The article analyzes philosophical problems related to the study of the verbalization of new knowledge. Special attention is given to identifying the place and role of metaphor in the linguistic expression of this knowledge. The originality of metaphorical speech in various fields of creativity (science, poetry, and mythology) is characterized. The analysis of the features of the metaphorical language of science is conducted mainly through the history of development of physical knowledge. The author aims to develop his own generalizing concept of metaphor based on Russian philosopher Alexander Niki-forov’s theory about the structure of human cognition, consisting of three contexts (material, cultural, and personal) with the elements of which a scientist compares a new phe-

nomenon. In this regard, the essence of the metaphor lies in the interplay of similarities and differences between the scientist's personal experience and new data. Ultimately, new knowledge is formed with the establishment of a metaphor that interprets the new phenomenon. Initially, a so-called root metaphor is formulated, expressing the main aspect of the new knowledge. Subsequently, a network of clarifying auxiliary metaphors develops around it, interlocking due to the increasing interaction of various aspects of the scientist's personal experience with different aspects of a new phenomenon being framed into new knowledge. In this case, the metaphor acts as an integral element of the conceptual populations, according to Stephen Toulmin. The content of these populations has not sufficient elaborated in the British philosopher's teaching, and the author of the article addresses this gap. From his perspective, it is the metaphor that can act as a basic element of such populations, thereby becoming the primary measure of evolutionary variability of scientific theories. In addition, the author believes that the metaphorical definition of Toulmin's basic element of conceptual populations can resolve conflicts between different approaches to describing scientific progress. Focusing on the description of its nature rather than on the extent of variability of scientific knowledge will allow the conflicting parties to unite.

Keywords: scientific cognition, new knowledge, scientific theory, scientific progress, verbalization, metaphor, evolutionary epistemology, semantics

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-78-10171 "Transdisciplinary Conceptualizations of Scientific Progress: Problem-oriented, Semantic and Epistemic Approaches. To the 100th Anniversary of the Birth of Thomas Kuhn and Imre Lakatos".

For citation: Zharov A.M. Metaphor as a Factor of Evolutionary Variability of Scientific Theories, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 7-25. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_7

Введение

Проблема определения сущности научного прогресса не теряет своей актуальности. Что именно в научном знании изменяется, развивается и прогрессирует? А. Берд объединил разные точки зрения по этому вопросу в три основных подхода: семантический, функционально-интерналистский и кумулятивный (Bird 2007). С нашей точки зрения, конфронтацию между ними возможно преодолеть путем смещения вопроса с *что* меняется на *как* меняется. Уход от попыток описать сущность научного прогресса в сторону формального описания его динамики поможет как сохранить особенности каждого подхода, так и объединить их (ведь все они сосредотачиваются на изменении как таковом, различаются лишь его критерии) в движении к одной цели. Цель же заключается в определении меры изменчивости научного знания элементарной составляющей теории.

В эволюционной эпистемологии на эту роль уже предложено научное понятие как таковое. В своей монографии «Человеческое понимание» Ст. Тулмин применительно к научному прогрессу активно использует метафору популяции. Он утверждает, что наука, ее дисциплины и теории состоят из концептуальных популяций (популяций понятий), которые не связаны между собой логической необходимостью. Каждый элемент популяции

обладает самостоятельностью, возможностью изменения своих функций или перехода в другую популяцию (Тулмин 1984: 140). Именно понятие является элементарной составляющей теории и мерой эволюционного научного прогресса, которая призвана объединить три разновидности подхода к описанию научной динамики.

Но, собственно говоря, в этих предложениях изложено практически все содержание идеи Ст. Тулмина. Он воспринимает концептуальные популяции как нечто само собой разумеющееся: постулирует их наличие и далее использует как полностью понятный термин. Однако очевидно, что данного объема информации недостаточно, сразу возникает множество вопросов. Какова структура этих популяций? Что их объединяет? Каким образом научное понятие оказывается «кирпичиком», из которого строится теория? Что это за понятие?

С нашей точки зрения, научное понятие имеет, прежде всего, метафорическую природу. Именно метафора способна принять на себя эту роль. В этой связи цель настоящего исследования состоит в разработке концепции метафоры как составного элемента концептуальной популяции Ст. Тулмина, что поможет объединить разные подходы.

Ренессанс метафоры

Революционные изменения в структуре и динамике современного научного знания вызвали повышенный интерес к анализу языка науки. Эти новые семантические тенденции в развитии методологии в какой-то мере отражают своеобразный феномен – ренессанс метафоры. К такому выводу приходит Р. Хонек, анализируя возрождение интереса к метафоре в сфере методологии современного научного познания (Honeck 1980: 38).

Ренессанс метафоры особенно впечатляет на фоне традиционного отношения к ней. До недавнего времени она не фигурировала в сфере семантики научного языка, метафорический язык науки просто не замечали. Представители точных наук часто выражали свое пренебрежительное отношение к псевдонаучным тезисам репликой «это метафорично», что равнозначно выражению «это ненаучно». Присутствие метафор в языке науки воспринималось как явное проявление псевдонаучной методологической рефлексии. Казалось, метафора годится только для декоративной роли и в лучшем случае эстетического познания, но никак не научного, грозя последнему только затуманиванием смысла (Лагута 2003).

Мнение, что метафоризация языка науки противоречит нормам научной традиции, как правило, порождает пренебрежительное и даже подозрительное отношение к познавательному содержанию метафоры. Разумеется, в подобной атмосфере претензии метафоры на интеллектуальную ценность иллюзорны. Это обстоятельство и объясняет в некотором плане внезапность открытия феномена метафоричности языка науки и когнитивной ценности метафоры. Никого не удивляют рассуждения о плодотворности метафоры в гуманитарной сфере. Например, А.Н. Фатенков обнаруживает в различиях интерпретаций метафор разные экзистенциальные установки,

восходящие к средневековым спорам номиналистов и реалистов (Фатенков 2005). Но многие все еще с подозрением относятся к размышлениям о познавательной роли метафоры в науке и философии.

Однако уже никто не отрицает наличия в научных текстах огромного числа метафор. Более того, это воспринимается не как помеха, а, наоборот, как своеобразный способ познания, способствующий большему пониманию: «...планетарная модель атома, предложенная физиком Эрнестом Резерфордом в 1911 г.; черная дыра для обозначения области пространства-времени с огромным притяжением; первичный бульон – теория о возникновении жизни на Земле в ходе постепенной химической эволюции молекул, содержащих углерод; геном человека как книга, а генофонд как библиотека – отсюда читать геном, то есть расшифровывать систему кодирования наследственной информации живых организмов, и другие метафоры» (Чаплин 2018: 347-348)

Такое изменение отношения стало возможным в результате краха неопозитивистского проекта избавления научного языка от всех метафорических конструкций. Выяснилось, что данное стремление выполнимо только в рамках узкой области с применением довольно примитивного языка. Это подтверждает Л. Витгенштейн: «В стремлении к идеальному языку мы оказываемся на скользкой поверхности льда, где нет никакого трения и условия в известном смысле слова идеальны, но именно поэтому мы не можем двигаться. Мы хотим ходить: тогда нам необходимо трение. Назад на грубую почву!» (Витгенштейн 2018: 80). С ограничением метафорического процесса наука сужает свои познавательно-эвристические возможности.

Т. Коэн в начале 1980-х гг. писал, что наконец-то наступили хорошие времена для партнерства науки и метафоры, но при этом не следует забывать, что не так давно из-за стараний позитивизма в методологии науки господствовало пренебрежительное отношение (Cohen 1981: 1).

Интерес к метафоре в науке мотивируется не эстетико-эмотивными и орнаментально-риторическими соображениями, а, прежде всего, когнитивными. Ученого подводит к этому внутренняя логика развития знания: его метафоротворчество составляет неотъемлемую часть научного процесса. Научные метафоры – это своеобразные визитные карточки революционных эпизодов в развитии науки, и по метафорическим «узлам» языка науки возможна реставрация мутаций научной мысли. Как видно, решение проблемы метафоры представляет интерес как в плане понимания особенностей развития современного познания, так и в контексте задач истории науки. Данная проблематика разрабатывается в основном в трех направлениях – семантическом, прагматическом (социокультурологическом) и психологическом. Выделим некоторые концепции, разработанные зарубежными учеными в рамках указанных подходов.

Начнем с рассмотрения аргументов сторонников семантического анализа – П. Рикера, У. Эко, Н. Гудмена и др. С их точки зрения, метафора – неотъемлемое свойство языка, позволяющее репрезентировать всякую новую личностную информацию посредством модификаций семантического пространства (поля) языка. Анализ проблемы немыслим вне исследования

вербальной деятельности, явлений семантического сдвига. Любая метафора представляет собой продукт семантической комбинаторики внутри языковой матрицы: метафора есть «коллапс значения» (П. Рикер), «семантическая аномалия» (Ш. Лэппин), «миграция или диффузия понятий с целью захвата новой семантической территории» (Н. Гудмен) и т.д. Семантический подход ориентирует внимание исследователя строго на изучение процессов в области семантики научных терминов. В метафоризации отражаются определенные семантические отклонения от общепринятых норм языка науки.

Наиболее последовательным противником семантической интерпретации проблемы метафоры выступает представитель прагматического подхода Д. Дэвидсон. Не соглашаясь с известным положением М. Блэка, согласно которому «правила нашего языка определяют, что некоторые выражения должны считаться метафорами», он утверждает, что метафора рождается исключительно в сфере реальной практики языкового употребления (Davidson 1981). Другими словами, ее смысл определяется социокультурными нормами лингвистической коммуникации. Точку зрения Д. Дэвидсона с теми или иными оговорками поддерживают И. Левенберг (Loewenberg 1981), Р. Мур (Moore 1982) и др. Не всякая семантическая ошибка, заявляют сторонники прагматического подхода, приобретает с необходимостью статус метафоры. Термин выступает в качестве метафоры лишь в контексте, за пределами которого он как продукт семантического отклонения представляет практически все (ошибку, бессмыслицу и т.п.), но только не метафору. Отсюда следует, что метафоричность языка тесно связана с намерением (интенцией) субъекта в реальной практике языковой деятельности.

На наш взгляд, исследование проблемы метафоры достигло бы более существенных успехов, если бы рамки анализа не ограничивались так жестко областью либо семантики, либо прагматики. Примечательны в этом отношении «дуалистические» воззрения некоторых ученых (Н. Гудмен, У. Эко, М. Блэк). Семантико-прагматический характер их методологической позиции в решении ряда вопросов косвенно отражает признание достоинств обоих подходов.

Психология метафоры, в отличие от семантики и прагматики, не имеет четко очерченной области. По этой причине представители психологического подхода (Э. Ортони, Р. Вербрюгге, Г. Поллио и др.) находятся в особом положении. Чаще всего их концепции представляют собой попытки проецирования проблем семантической и прагматической интерпретации метафоры на психологическую плоскость. В сфере современных психолингвистических (психосемантических) исследований экспериментальными приемами психологии успешно разрабатываются важные аспекты семантики и прагматики метафоры. Можно с уверенностью сказать, что психолингвистическое изучение метафоры содействует расширению горизонта метафорики.

Анализируя актуальные проблемы метафорики, исследователи отмечают, что любая достаточно удовлетворительная теория должна, прежде всего, четко определить свое отношение к следующим вопросам: что такое

метафора, как мы узнаем ее (проблема критерия); каким образом осуществляется понимание метафоры (проблема интерпретации); какую роль выполняет та или иная метафора (проблема функционального статуса и классификации).

Решение вопроса, каким образом устанавливается метафоричность метафоры, во многом определяется рамками методологического подхода. Так, например, с семантической точки зрения индикатором выступает явление семантической аномалии: выражение метафорично, если противоречит общепринятым нормам семантики терминов. Семантический подход поднимает проблему критериев детских, машинных метафор и метафор шизофреников. Не так легко сформулировать универсальный критерий. Его разработка находится в центре внимания представителей как прагматического, так и психологического подходов.

Прагматический подход в отличие от семантического утверждает в эксплицитной форме несостоятельность самой попытки построения универсального критерия. Поскольку метафоры отличаются функционально от языка к языку и от культуры к культуре, должны, соответственно, отличаться и критерии идентификации. По мнению М. Блэка, метафору продуцирует преднамеренное нарушение правил языковой игры. Конкретные формы языковой деятельности (миф, поэзия, наука) регулируются как общими нормами языка, так и своими специфическими правилами. В конкретных языковых системах по-разному реализуются метафорические возможности языка, поэтому метафору порождает не языковая деятельность вообще, а конкретные формы языковой игры «не по правилам».

С проблемой узнавания метафоры тесно связана и проблема интерпретации (понимания). Это довольно сложный психолингвистический процесс. Неудивительно, что данная проблема в основном решается в сфере психологии. Понимание метафоры, подчеркивает Э. Ортони, есть процесс элиминаций эмоционально-интеллектуального напряжения. Она всегда вызывает специфический «метафорический шок», поскольку приглашает человека в мир неожиданностей и загадок (согласно теории Аристотеля, всякая метафора – загадка, а Дж. Вико рассматривал метафору в качестве своеобразного мифа в миниатюре). В этой связи исследователь проецирует проблему постижения сути метафоры на плоскость психологического анализа процесса элиминации напряжения (Ortony 1980: 73-78).

Пытаясь добиться ясности, некоторые авторы обращают пристальное внимание на функциональное содержание метафоры. Они не без основания полагают, что рассмотрение основных функций может послужить эвристическим ключом для понимания метафоры и наметить пути успешной классификации метафорических выражений. Связь процедуры понимания с типизацией проявляется даже в том, что до акта интерпретации метафоры мы должны выяснить, в какой области языковой деятельности она «прописана». М. Гизелин, анализируя в контексте метафорического манифеста проблемы дисгармонии между наукой и искусством в современной западной культуре, с сожалением подчеркивает: «Никого не удивляет то обстоятельство, что соловей поэта и соловей ученого (орнитолога) обитают в разных

мирах» (Ghiselin 1976: 493). Однако в каком-то смысле «соловьи» поэта и ученого обязаны обитать в разных языковых пространствах и, естественно, «петь» разные песни. Бессмысленно интерпретировать метафору, если предварительно не установлена ее «языковая прописка» (языковая среда обитания).

Структурные особенности метафоры

В построении своей концепции метафоры мы будем отталкиваться от идей А.Л. Никифорова, который в своих онтологических конструкциях (Никифоров 2010; Никифоров 2015), представлениях о сущности познания (Никифоров 1991), учении о соотношении смысловой структуры слова и его референта (Никифоров 2011; Никифоров 2012) обычно выделял близкие друг другу структуры. В целом любое познание, по мнению философа, проходит через встраивание явления в три контекста. Первый можно обозначить как материальный – обозначение места явления в физическом пространстве и времени. Второй является культурным или социальным – явление занимает свое положение и обретает смысл относительно уже объективно существующих в интерсубъективной среде культурных элементов – значение слов, символы, правила и т.д. На заключительном этапе человек сопоставляет каждое явление с личным опытом, дает уникальную интерпретацию тех образов и понятий, которые наполняют его сознание.

За средой внутреннего мира субъекта А.Л. Никифоров закрепил понятие «индивидуальный смысловой контекст», что определяется как система «взаимосвязанных смысловых единиц, содержание которых зависит от их места в контексте, в связи с остальными единицами и непосредственно с индивидуальным Я, которое оценочно относится к каждой единице и определяет степень ее значения. Само множество смысловых единиц составляет язык, чувственных впечатлений, наглядных и абстрактных образов, формируя системы знаний, верований, морально-этических норм и т.д. Интерпретация явлений внешнего мира происходит путем встраивания их в этот контекст, через соотнесение с уже имеющимися смысловыми единицами» (Жаров 2024: 43).

Понятие смысловых единиц, составляющих индивидуальный смысловой контекст, мы намерены использовать в попытке прояснить учение Ст. Тулмина о концептуальном элементе, составляющем концептуальную популяцию. Он представил лишь набросок идеи популяционной формы научного знания, который нуждается в дальнейшей разработке. Дать определение элемента концептуальной популяции мы намерены через отождествление с элементом индивидуального смыслового контекста А.Л. Никифорова. Однако все равно непонятно, каким образом элементы индивидуального смыслового контекста соединяются в концептуальные популяции. Российский философ дает нам лишь небольшую подсказку – связь между элементами метафорическая, опирается на сравнение и определение элементов друг через друга. Все новые данные в своем пути к пониманию субъектом познания проходят через этапы метафорического сравнения, определе-

ния – через уже существующие смысловые элементы знания. Таким образом, связь концептуальной популяции и индивидуального смыслового контекста является метафорической: они выступают метафорами друг друга. Процесс переплавки новых эмпирических данных в научное знание мы намерены показать через определение природы элементов концептуальной популяции как метафорической. Данный познавательный акт будет проведен с опорой на различные теории метафоры.

Приведенную выше мысль хорошо выразил Х. Ортега-и-Гассет: «Когда ученый открывает дотоле неизвестное явление, то есть когда он создает новое понятие, он должен его назвать. Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятным, ученый выбирает такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора» (Ортега-и-Гассет 1990: 68-69). Иными словами, любое новое явление в познании проходит через сравнение с уже существующими контекстами. Результатом этого процесса мы видим именно метафору.

Таким образом, суть метафоры определяется своеобразием искусства сравнения и особенностями сравниваемых объектов (прежде всего, параметрами нового знания). В реальной познавательной ситуации сфера вовлечения объектов в поле сравнения ограничивается рядом факторов – ресурсом культуры, контекстом науки, личностными параметрами. Поэтому вероятность возникновения удачных ассоциаций, аналогий зависит от уровня развития науки и, как подчеркивает Е.З. Мирская, от уровня отчета исследователя. Последний обусловлен глубиной и разнообразием личностного знания, полем воображения, парадоксальной комбинацией качеств (Микулинский, Ярошевский 1969: 292-294). Комбинации качеств исследователя («мозаичность» интересов личности) действительно играют существенную роль в построении матрицы сходств, ассоциаций, аналогий. Между характером, степенью «мозаичности» интересов и своеобразием генерируемой процедурой сравнения метафоры существует тесная связь.

При анализе сущности метафоры необходимо учитывать различия и сходства в актах сравнения. На их диалектику обращал внимание еще Аристотель. Удачное завершение поиска сходства в мире несходных явлений – весьма трудная задача (достаточно вспомнить, что свойства и отношения объектов неисчерпаемы). Исследователь оказывается в очень сложной ситуации – выявить сходство между, казалось бы, совершенно разными явлениями. Проблема состоит в том, что он не знает, что с чем сравнить и на что обращать внимание – на сходство или различие. Важно найти точную «меру» акцента на разных этапах решения проблемы. Стратегия предпочтения сходства или различия задается, видимо, спецификой проблемы и намерением думающего. Возможность такой стратегии заключена в самой сущности сравнения, допускающей как сближение сходного и несходного, так и отдаление. В пространстве воображения исследователя формируется

в зависимости от своеобразия проблемы и его намерения либо матрица сходства, либо матрица различия. Не исключается и ситуация, когда изображение формирует матрицу игры сходства и различия.

Процесс метафоризации нового знания актуализирует поиск сходства. Его обнаружение является главным условием вербализации нового в науке, ибо по каналу сходства поступает вербализованная информация, необходимая для осмысления сущности новизны. Отсутствие акцента на различии носит условный характер. Различие временно отодвигается на второй план, но постоянно присутствует «около» или виртуально в метафоре, выполняет роль «суфлера» в игре сходства и различия. Полное игнорирование или ошибочное восприятие «подсказок» различия существенно влияет на конечный результат процедуры сравнения и на плодотворность метафоры. Сходство и различие взаимосвязаны и в чистом виде возможны только в абстракции. В реальных актах сравнения одно непременно предполагает другое. Причем эта связь меняется по статусу доминантности сходства или различия в зависимости от характера установки на процесс сравнения: если задана установка на формирование матрицы различий, то в этом случае поиск корректируется «закулисными подсказками» сходства.

Соотношением сходства и различия объясняется не только структурное своеобразие метафор, но и особенности становления и функционирования различных типов метафор – научных, поэтических, мифологических. Так, например, метафора «человек-машина» имеет различную степень нагруженности мерой сходства и различия. В науке ее смысл определяется при обязательном соблюдении дистанции по отношению и к сходству, и к различию. Научная метафора избегает условности различия, чтобы предохранить себя от «патологии» буквализма, и в то же время она не доводит сходство до полного тождества, чтобы не свести «очарование» новизны и заключенную в метафоре загадочную интенцию автора до абсурда. Акцентом на сходстве или различии можно объяснить и моменты становления научной метафоры: в атмосфере выявленных сходств рождается метафора, в игре сходства и различия реализуются ее эвристические возможности, и на фоне различия происходит постепенное вырождение в нейтральное понятие. В поэтической метафоре «человек-машина» сходство условно (формально), а различие имеет тотальный характер. Такая расстановка акцентов постоянна, поэтому метафора сохраняет свой метафорический смысл на протяжении всей истории поэзии. Вырождение поэтической метафоры в нейтральное понятие противоречит «логике» поэзии. Это же присуще и мифологической метафоре: ее отличие от поэтической и научной заключается в том, что различие и сходство условны. Именно момент проецирования себя на иное и отождествление своего с иным характеризует своеобразие мифологической (и детской) метафоры. Различие здесь неуместно, противоречит логике мифологического метафоротворчества.

Научная метафора основана на сходстве нового (личностной информации) с иным, но оно осознается на фоне несходства нового и иного. Новое допускает лишь точку соприкосновения с иным объектом (момент сходства). Чем больше подобных сцеплений, чем большее число точек со-

прикосновения с иным, тем выше вероятность адекватной вербализации метафорой сущности нового. Каждой точке сцепления соответствует определенная метафора (то есть метафора фиксирует момент сходства принципиально несходных явлений), а совокупность таких точек передается системой метафор.

Рассмотрим в качестве примера процесс формирования метафорического языка квантовой хромодинамики. В настоящее время в становлении понятийного аппарата теории сильных взаимодействий принимает непосредственное участие весьма странное «семейство терминов» – квант, поле, аромат, заряд, очарование, цвет, мешок, спектр и т.д. Данное поле сравнения создает особую матрицу сходств, где возможны сцепления объектов в «метафорических кентавров»: очарованный аромат, цветной заряд, квант цветного поля, голубой или бесцветный кварк, цветовой поток через поверхность мешка, голое очарование и др. Все это происходит в науке, которую вряд ли можно назвать прото- или псевдонаучной либо уличить в пристрастии к лингвистическому декорированию понятийного аппарата. По нашему мнению, метафорический характер становления языка квантовой хромодинамики служит достаточно убедительным подтверждением правомерности положения, что метафоричность порождается внутренней логикой развития научного знания. Процесс метафоризации во многом зависит от искусства сравнения и сцепления объектов, поиска и построения матрицы сходств как необходимого условия метафорического языка, расстановки акцентов в игре сходств и различий.

Сравнение нового с фрагментами личностного знания, составляющего неотъемлемую часть общечеловеческого ресурса культуры, позволяет построить матрицу сходств в пространстве воображения личности. Метафорический язык – конечный пункт вербализации ассоциативных комбинаций и сцеплений нового с другими объектами по сходству признаков. В бесконечном лабиринте сцеплений, отмечал Л.Н. Толстой в письме Н.Н. Страхову, состоит сущность искусства, и перед исследователем стоит принципиальная задача выявления законов, которые служат основанием этих сцеплений¹. Следует подчеркнуть, что в лабиринтах сцеплений рождается не только объект искусства, но и новое в науке. Сцепление нового с элементами общепринятого знания создает условия для осмысления его сущности путем метафоризации терминов обычного языка. Сближение по сходству инвербализованной новой информации с фрагментами вербализованной системы общечеловеческого знания и сцепление нового с данными фрагментами знаменуют в семантическом отношении момент рождения метафоры. Основное назначение сцепления в том и заключается, что оно позволяет заимствовать «имена» других объектов, с которыми сцеплено новое, для вербализации своей сущности. В процессе такой косвенной номинации (а метафора выполняет и номинативную функцию) происходит вербализация нового.

¹ Толстой Л.Н. 1955. О литературе. Статьи, письма, дневники. Москва : Гослитиздат. С. 155-156.

Метафорический язык науки

Такой сложный процесс, как становление принципиально нового знания, разумеется, не ограничивается продуцированием одной метафоры. Процедура вербализации нового в науке предполагает разработку совершенно нового языкового каркаса. Поиск полезных метафор и построение мозаичного по своему содержанию метафорического языка являются необходимым условием возможности постепенного осуществления программы адекватной вербализации сущности нового. Процесс поиска метафоры выступает лишь начальной фазой метафоризации языка науки. Становление нового – сложный, многоаспектный процесс, и наиболее важным его параметром является метафоричность. Другими словами, новое формируется в процессе метафоризации языка.

Безусловно, одна метафора не в состоянии удовлетворительно вербализовать новое. Правила языка исключают подобную возможность: в рамках определенной понятийной системы (теории или конкретной науки) каждый термин имеет вполне определенное значение, и в контексте правил данной системы двусмысленности запрещены. Метафора привносит в понятийный аппарат науки явно выраженный элемент двусмысленности, поскольку она по своему статусу представляет собой нечто неопределенное, двусмысленное. Чтобы устранить неопределенность, необходимо построить мозаичную систему метафор, в которой будет наблюдаться «суперпозиция метафорических смыслов». Каким образом это происходит?

Формирование нового знания начинается с конкретной метафоры, которую можно обозначить как коренную. Следует отметить, что в интерпретации данного понятия обнаруживаются существенные расхождения. Так, М. Урбан придерживается мнения, что коренная (фундаментальная) метафора является частью основополагающего речевого процесса и выражает фундаментальные аспекты личностного опыта (Urban 1939: 651-652). М. Мюллер употребляет данное понятие применительно к анализу спонтанных черт личности. В рамках его концепции «метафора – болезнь языка», а понятие «коренная метафора» характеризует наиболее существенные моменты вербальной болезни (Shibles 1971a: 127). М. Блэк придает указанному понятию смысл, первоначально сформулированный Ст. Пеппером: коренная метафора представляет собой систематизированный репертуар идей, значение которых ученый описывает пространством аналогий (Black 1962: 241). Коренная метафора при такой интерпретации приобретает статус архетипа, она как бы «вычерпывает» из сферы личностного опыта репертуар основных идей (архетипов).

Процесс поиска метафоры означает в этом случае процесс вербализации главного признака новизны. Другими словами, процедура вербализации предваряется поиском коренной метафоры, которая адекватно «схватывает» существенный признак новизны. С момента ее продуцирования разворачивается построение метафорического языка. Успех данного процесса зависит непосредственно от особенностей коренной метафоры, которая должна отвечать определенным требованиям.

Коренная метафора должна выражать наиболее важный аспект новизны. Можно сказать, что это является необходимым условием вербализации, но отнюдь не единственным. Коренная метафора, втягивая в процесс вербализации нового знания другие термины, активизирует их метафорические смыслы. Очевидно, Р. Ромметвейт имел в виду именно это обстоятельство, подчеркивая важность следующей ситуации: «Когда слово входит в особые случаи передачи сообщения, активизируется определенное словесное значение» (Леонтьев, Сахарный 1972: 63). Эта способность коренной метафоры активизировать определенные значения слов и вовлекать их в процесс метафоризации приобретает особый эвристический смысл при осмыслении новой информации.

Многозначность (избыточность) метафоры является в некотором отношении необходимым условием правильной интерпретации ее значения. М. Блэк, например, представляет метафору в виде системы ассоциативных значений, и понимание смысла сводится к процедуре элиминации ложных смыслов. М. Джонсон и Р. Малгади также говорят о метафоре как о матрице возможных значений, в рамках которой осуществляется процесс интерпретации (Johnson, Malgady 1980: 268). Во всех подобных определениях имплицитно присутствует мысль о семантической избыточности метафоры как условия ее интерпретации. Причем авторы прямо или косвенно признают, что понимание метафоры возможно только в метафорическом контексте. Понятия «метафорический процесс», «метафорическое мышление», «метафорический язык» большинство исследователей употребляют как в аспекте проблематики вербализации личностной (новой) информации, так и понимания метафоры. В метафорическом контексте уточняется смысл коренной метафоры, это, в свою очередь, способствует адекватному пониманию сущности нового знания. Указанную особенность метафорического контекста (логику метафорического мышления) подчеркивают многие авторы. Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут, что «мы сможем пользоваться метафорическим языком для исследования сущности метафор и понимания метафорической природы нашей умственной деятельности» (Lakoff, Johnson 1980: 7). У. Шиблс также отмечает, что в контексте проблематики понимания любая метафора непременно должна быть представлена всевозможными метафорическими процессами (Shibles 1971b: 16). По словам М. Блэка, нечто новое «мы можем объяснить посредством метафоры... А для понимания метафоры необходимо знание общепринятого контекста, составляющего основу метафорического процесса» (Black 1962: 237-238). М. Хестер полагает, что «язык относительно смысла метафоры определяется по отношению к языку в метафорическом контексте» (Hester 1967: 196). Во всех приведенных высказываниях отчетливо проступает мысль, что ключ к сущности метафоры находится в тайниках метафорического языка. Интерпретация нового знания и понимание коренной метафоры предусматривают, как следует из вышеизложенного, построение метафорического языка. Таким образом, необходимость разработки метафорического каркаса отвечает запросам удовлетворительной интерпретации как нового знания, так и смысла коренной метафоры.

М. Джонсон и Р. Малгади считают, что условием существования метафоры является популяция: любой относительно устойчивой популяции индивидов соответствует определенная популяция метафор, и правильное понимание очередной новой метафоры возможно лишь в контексте данной популяции метафор (Johnson, Malgady 1980: 263). Дж. Эди также обращает внимание на то, что осмысление новой информации вынуждает исследователя выстраивать специальную метафорическую систему: создавая метафору за метафорой, ученый движется от известного вглубь неизвестного нового знания (Edie 1976: 166).

В свете изложенного становится ясно, что метафорический язык представляет собой необходимое средство объективации личностной информации (нового знания), выступает в качестве условия и средства постижения индивидуального опыта. Осмысление сущности нового предусматривает, по словам Р. Карнапа, разработку специального языка: «Если кто-либо хочет говорить на своем языке о новом виде объектов, он должен ввести систему новых способов речи, подчиненную новым правилам: мы назовем эту процедуру построением языкового каркаса для рассматриваемых новых объектов... Принятие новых объектов выражается в языке введением языкового каркаса – новых форм выражений, которые должны употребляться в соответствии с новой группой правил» (Карнап 1959: 300, 309). Построение нового языкового каркаса с особой системой правил, как следует из сказанного, составляет важное условие в плане понимания сущности нового знания. Другими словами, создание метафорического языкового каркаса необходимо с точки зрения задач адекватной интерпретации принципиально новой информации. Создание метафорического каркаса (мозаичной системы метафор) предполагает «большую плотность аналогий», которую извлекает из нового знания ученый в процессе проецирования параметров новизны на плоскость личностного знания. Чем больше признаков он выявляет в новом знании, тем больше метафор может разработать для детальной нюансировки метафорической картины нового.

Спектр признаков нового знания зависит от «разрешающей способности» творческих параметров ученого (воображение, ассоциативное мышление, матрица профессиональных и непрофессиональных интересов и т.д.). При разработке метафорического каркаса указанные аспекты личности приобретают, на наш взгляд, особое значение. Если на стадии генезиса новой идеи (контекст открытия) ведущее место принадлежит матрице профессиональных знаний ученого, то на стадии вербализации (контекст обоснования) доминирующую роль играет эвристическое взаимодействие профессиональных и непрофессиональных интересов. Именно это обуславливает возможность создания языкового каркаса, необходимого для осмысления нового.

Построение метафорического каркаса осуществляется в процессе нюансировки коренной метафоры вспомогательными метафорами. Принцип нюансировки выполняет при этом весьма полезную роль в разработке адекватной метафорической картины нового знания. И.М. Дьяконов указывает, что «чем больше метафор, выделяющих главные признаки явления, тем

это явление выступает четче и понятнее» (Дьяконов 1977: 20-21). Ценная мысль содержится и в замечании В.Ф. Одоевского: «От того, чем подробнее мы хотим изложить какое-либо понятие, тем более мы должны употреблять слов или неопределенных знаков»². Здесь важно отметить, что мыслитель в основном имеет в виду метафорический язык и утверждает, что «человек употребляет метафору, когда для новых мыслей и чувств у него недостает выражений»³. Сказано предельно лаконично и ясно.

С ситуациями, когда необходимо, создавая метафору за метафорой, нюансировать вербальную картину с целью объективации личностной информации, сталкиваются ученые, поэты, переводчики. Метафорическая нюансировка личностного видения позволяет удовлетворительно решать задачи точного, адекватного выражения информации. Довольно образно ситуацию, связанную с проблемой объективирования личностной информации, выразил И. Андрич в своей философской работе «Знаки вдоль дороги». В сфере коммуникативной вербальной деятельности, отмечает он, нередко возникают нездоровые явления, которые сопровождаются инфляцией слова. «И тогда начинается нагромождение слов, точно болезненный рост клеток в организме при некоторых болезнях. Неуверенный в том, что он хочет сказать, человек чувствует, что слова девальвированы, чтобы то из них, которое ему представляется слабым, подпереть двумя новыми словами, столь же слабыми, как и то, первое, или даже еще слабее, чем оно» (Андрич 1983: 404). Болезнь инфляции, девальвации слов поражает и науку в точках ее роста, что преодолевается учеными лишь в процессе построения метафорического каркаса.

Метафоры нового языкового каркаса дополняют друг друга, уточняют общую картину нового знания, вступают в сложные взаимоотношения, и благодаря этой соотнесенности метафорических индикаторов важнейших признаков нового явления создается целостная метафорическая картина. Метафорическая сетка формирует «видимый ландшафт» (Дж. Сантаяна) и обеспечивает своеобразную визуализацию нового знания: оно как бы просматривается и приобретает тем самым статус общепринятого, дальнейшее обоснование протекает уже в сфере деятельности научного сообщества. Другими словами, новое знание, характеризующееся в начальной фазе своего становления как нечто личностное, по мере метафорической репрезентации его сущности приобретает статус общепринятого знания. В дальнейшем метафорическая картина подвергается уточнению в контексте процедур обоснования (выполняя в этом смысле роль «полуфабриката», который передается научному сообществу автором открытия). В этом вопросе прав М. Блэк: «Возможно, что любая наука начинается с метафоры и завершается алгеброй; и вполне возможно, что без метафоры наука никогда не достигла бы никакой алгебры» (Black 1962: 242). Для формализации (в частности, алгебраизации) науки необходимо наличие чего-то недостаточно четкого, понятного, строгого. Абсурдно формализовывать уже

² Одоевский В.Ф. 1981. Сочинения : в 2 т. Москва : Художественная литература. Т. 1. С. 185-186.

³ Там же. С. 287.

формализованное и не менее абсурдно формализовывать нечто несуществующее. Алгебра возможна лишь при наличии «протонаучных явлений» (М. Бунге), таких как метафорический язык. Горизонт науки очерчивается продуцированием подобных явлений.

Заключение

В научном познании метафора выполняет главным образом номинативную, предсказательную, объяснительную, информативную, «компактизирующую» (в терминологии Э. Ортони) функции. В сфере популяризации научных достижений метафорический язык активизирует и другие свои возможности – орнаментальную и эмотивную функции. Однако неверно полагать, что в науке метафора выполняет только научные функции, а в поэзии – только поэтические. В любой области языковой деятельности метафорический язык работает с полным набором своих функций. Функциональное своеобразие проявляется лишь в ранжировании функций по их доминантности в той или иной сфере деятельности. В науке, например, доминируют познавательные функции, все остальные выступают в качестве фоновых. Основное назначение научной метафоры – объективировать личностное знание, высказать нечто новое представителям научного сообщества. В науке метафора необходима как средство и способ превращения личностной информации в субстрат коммуникации.

Наука на протяжении всей своей истории пользовалась когнитивными возможностями метафорического языка. Обращение к метафоре всегда мотивировалось потребностями внутренней логики развития науки в точках ее роста (своего рода «болезнь роста»). В современном научном познании проблема метафоры приобретает статус неотъемлемой «части» методологии, и ее понимание означает, по существу, понимание важнейших черт механизма развития науки. Именно такой смысл следует вкладывать в понятие «ренессанс метафоры». Понимание механизма становления нового в науке предполагает, в частности, всестороннее и глубокое исследование проблемы метафоры. Можно, пожалуй, сказать, что понимание и явление метафоризации взаимосвязаны, дополняют друг друга: где ставится вопрос о понимании, непременно актуализируется метафорическое свойство языка, а фокус внимания на метафоричности активизирует процесс понимания.

Тенденции развития современной метафорики свидетельствуют о возможности существенного расширения горизонта понимания некоторых фундаментальных проблем развития языка науки и становления принципиально нового знания. Ренессанс метафоры – это своеобразная форма отражения динамики современного естественно-научного познания. Интенсивное продуцирование диковинных идей требует разработки качественно новых (метафорических) языковых форм. Необходимость осмысления нового содействует разворачиванию процесса метафоризации языка науки. Между степенью метафоризации языка и «безумностью» новых идей имеется непосредственная связь. Именно поэтому язык науки в наиболее «горячих» точках роста носит явно метафорический характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андрич И. 1983. Человеку и человечеству. Москва : Радуга. 512 с.
- Витгенштейн Л. 2018. Философские исследования. Москва : АСТ. 352 с.
- Дьяконов И.М. 1977. Введение // Мифология древнего мира / под ред. В.А. Якобсона. Москва : Наука. С. 5-54.
- Жаров А.М. 2024. Жизнь как поиск. Памяти Александра Леонидовича Никифорова (1940–2023) // Отечественная философия. № 2. С. 37-53. DOI 10.21146/2949-3102-2024-2-1-37-53
- Карнап Р. 1959. Значение и необходимость. Москва : Издательство иностранной литературы. 382 с.
- Лагута О.Н. 2003. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 1. Новосибирск : Новосибирский государственный университет. 48 с.
- Леонтьев А.А., Сахарный Л.В. (ред.) 1972. Психолингвистика за рубежом. Москва : Наука. 123 с.
- Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г. (ред.) 1969. Научное творчество. Москва : Наука. 445 с.
- Никифоров А.Л. 1991. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания / под ред. А.А. Яковлева. Москва : Политиздат. С. 72-94.
- Никифоров А.Л. 2010. Философия науки: В.И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. № 1. С. 76-83.
- Никифоров А.Л. 2011. О некоторых проблемах логической семантики // Эпистемология и философия науки. Т. 28, № 2. С. 97-109.
- Никифоров А.Л. 2012. Онтологический статус референтов имен собственных // Эпистемология и философия науки. Т. 32, № 2. С. 50-58.
- Никифоров А.Л. 2015. Язык и картина мира // Эпистемология и философия науки. Т. 46, № 4. С. 19-27.
- Ортега-и-Гассет Х. 1990. Две великие метафоры // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. Москва : Прогресс. С. 68-81.
- Осипов Г.В. (ред.) 1978. Новые направления в социологической теории. Москва : Прогресс. 392 с.
- Тулмин Ст. 1984. Человеческое понимание. Москва : Прогресс. 328 с.
- Фатенков А.Н. 2005. Метафора: философские грани лингвистической категории // Дискурс-Пи. № 1. С. 167-170.
- Чаплин Е.В. 2018. Метафора в научном познании // Вопросы гуманитарных наук и управления в сфере образования / отв. ред. В.В. Кириллов. Москва : Книгодел : МГПУ. С. 347-355.
- Bird A. 2007. What is Scientific Progress? // *Noûs*. Vol. 41, iss. 1. P. 64-89. DOI 10.1111/j.1468-0068.2007.00638.x
- Black M. 1962. *Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy*. Ithaca : Cornell University Press. 267 p.
- Cohen T. 1981. *Metaphor and the Cultivation of Intimacy // On Metaphor* / ed. by Sh. Sacks. Chicago ; London : The University of Chicago Press. P. 1-10.
- Davidson D. 1981. *What Metaphors Mean // Philosophical Perspectives on Metaphor* / ed. by M. Johnson. Minneapolis : University of Minnesota Press. P. 200-220.
- Eddie J.M. 1976. *Speaking and Meaning: The Phenomenology of Language*. Bloomington ; London : Indiana University Press. 271 p.
- Ghiselin M.T. 1976. *Poetic Biology: A Defense and Manifesto // New Literary History*. Vol. 7, iss. 3. P. 493-504. DOI 10.2307/468558
- Hester M.B. 1967. *The Meaning of Poetic Metaphor*. The Hague ; Paris : Mouton. 229 p.

Honeck R.P. 1980. Historical Notes on Figurative Language // *Cognition and Figurative Language* / ed. by R.P. Honeck, R.R. Hoffman. Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates. P. 25-46.

Johnson M., Malgady R. 1980. Toward a Perceptual Theory of Metaphoric Comprehension // *Cognition and Figurative Language* / ed. by R.P. Honeck, R.R. Hoffman. Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates. P. 259-282.

Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago ; London : The University of Chicago Press. 258 p.

Loewenberg I. 1981. Identifying Metaphors // *Philosophical Perspectives on Metaphor* / ed. by M. Johnson. Minneapolis : University of Minnesota Press. P. 154-181.

Moore R. 1982. Tristram on Mathematics: A Poet's View // *The Midwest Quarterly. A Journal of Contemporary Thought*. Vol. 23, iss. 2. P. 164-181.

Ortony A. 1980. Some Psycholinguistic Aspects of Metaphor // *Cognition and Figurative Language* / ed. by R.P. Honeck, R.R. Hoffman. Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates. P. 69-86.

Shibles W.A. 1971a. An Analysis of Metaphor in the Light of W.M. Urban's Theories. The Hague ; Paris : Mouton. 171 p.

Shibles W.A. 1971b. *Metaphor: An Annotated Bibliography and History*. Whitewater : Language Press. 414 p.

References

Andrić I. *Man and Humanity*, Moscow, 1983, Raduga, 512 p. (In Russ.).

Bird A. What is Scientific Progress? *Noûs*, 2007, vol. 41, no. 1, pp. 64-89. DOI 10.1111/j.1468-0068.2007.00638.x

Black M. *Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy*, Ithaca, Cornell University Press, 1962, 267 p.

Carnap R. *Meaning and Necessity*, Moscow, Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1959, 382 p. (In Russ.).

Chaplin E.V. Metaphor in Scientific Knowledge, Kirillov V.V. (ed.) *Issues in the Humanities and Educational Management*, Moscow, Knigodel & MSPU, 2018, pp. 347-355. (In Russ.).

Cohen T. Metaphor and the Cultivation of Intimacy, Sacks Sh. (ed.) *On Metaphor*, Chicago & London, The University of Chicago Press, 1981, pp. 1-10.

Davidson D. What Metaphors Mean, Johnson M. (ed.) *Philosophical Perspectives on Metaphor*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1981, pp. 200-220.

Diakonov I.M. Introduction, Yakobson V.A. (ed.) *Mythology of the Ancient World*, Moscow, Nauka, 1977, 456 p. (In Russ.).

Edie J.M. *Speaking and Meaning: The Phenomenology of Language*, Bloomington & London, Indiana University Press, 1976, 271 p.

Fatenkov A.N. Metaphor: Philosophical Distinctions of Linguistic Category, *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2005, no. 1, pp. 167-170. (In Russ.).

Ghiselin M.T. Poetic Biology: A Defense and Manifesto, *New Literary History*, 1976, vol. 7, no. 3, pp. 493-504. DOI 10.2307/468558

Hester M.B. *The Meaning of Poetic Metaphor*, The Hague & Paris, Mouton, 1967, 229 p.

Honeck R.P. Historical Notes on Figurative Language, Honeck R.P., Hoffman R.R. (eds.) *Cognition and Figurative Language*, Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, 1980, pp. 25-46.

Johnson M., Malgady R. Toward a Perceptual Theory of Metaphoric Comprehension, Honeck R.P., Hoffman R.R. (eds.) *Cognition and Figurative Language*, Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, 1980, pp. 259-282.

- Laguta O.N. *Metaphorology: Theoretical Aspects, part 1*, Novosibirsk, Novosibirskij gosudarstvennyj universitet, 2003, 48 p. (In Russ.).
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*, Chicago & London, The University of Chicago Press, 1980, 258 p.
- Leontiev A.A., Sakharny L.V. (eds.) *Psycholinguistics Abroad*, Moscow, Nauka, 1972, 123 p. (In Russ.).
- Loewenberg I. Identifying Metaphors, *Johnson M. (ed.) Philosophical Perspectives on Metaphor*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1981, pp. 154-181.
- Mikulinsky S.R., Yaroshevsky M.G. (eds.) *Scientific Creativity*, Moscow, Nauka, 1969, 445 p. (In Russ.).
- Moore R. Tristram on Mathematics: A Poet's View, *The Midwest Quarterly. A Journal of Contemporary Thought*, 1982, vol. 23, no. 2, pp. 164-181.
- Nikiforov A.L. Language and the Picture of the World, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2015, vol. 46, no. 4, pp. 19-27. (In Russ.).
- Nikiforov A.L. On Some Problems of Logical Semantics, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2011, vol. 28, no. 2, pp. 97-109. (In Russ.).
- Nikiforov A.L. Philosophy of Science: V.I. Lenin and E. Mach, *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, 2010, no. 1, pp. 76-83. (In Russ.).
- Nikiforov A.L. Semantic Concept of Understanding, *Yakovlev A.A. (ed.) The Riddle of Human Understanding*, Moscow, Politizdat, 1991, pp. 72-94. (In Russ.).
- Nikiforov A.L. The Ontological Status of Proper Name Referents, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2012, vol. 32, no. 2, pp. 50-58. (In Russ.).
- Ortega y Gasset J. Two Great Metaphors, *Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. (eds.) Theory of Metaphor*, Moscow, Progress, 1990, pp. 68-81. (In Russ.).
- Ortony A. Some Psycholinguistic Aspects of Metaphor, *Honeck R.P., Hoffman R.R. (eds.) Cognition and Figurative Language*, Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, 1980, pp. 69-86.
- Osipov G.V. (ed.) *New Directions in Sociological Theory*, Moscow, Progress, 1978, 392 p. (In Russ.).
- Shibles W.A. *An Analysis of Metaphor in the Light of W.M. Urban's Theories*, The Hague & Paris, Mouton, 1971, 171 p.
- Shibles W.A. *Metaphor: An Annotated Bibliography and History*, Whitewater, Language Press, 1971, 414 p.
- Toulmin St. *Human Understanding*, Moscow, Progress, 1984, 328 p. (In Russ.).
- Urban W. *Language and Reality: The Philosophy of Language and the Principles of Symbolism*, London, George Allen & Unwin Ltd., 1939, 755 p.
- Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*, Moscow, AST, 2018, 352 p. (In Russ.).
- Zharov A.M. Life as a Search. In memory of Alexander Leonidovich Nikiforov (1940–2023), *Otechestvennaja filosofija [Russian Philosophy]*, 2024, no. 2, pp. 37-53. (In Russ.). DOI 10.21146/2949-3102-2024-2-1-37-53

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Михайлович Жаров

исследователь межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки»; аспирант Института философии РАН, г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-9082-3446;
SPIN-код: 5430-7068;
E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Zharov

Researcher, Inter-regional Non-Governmental Organization "Russian Society for History and Philosophy of Science"; Postgraduate Student, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-9082-3446;
SPIN-code: 5430-7068;
E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru